

УДК 159.9

DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007

Особенности ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих Росгвардии

Третьяков Виталий Владимирович

Адъюнкт,
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: tvv2025@mail.ru

Федоришин Михаил Иванович

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры практической и специальной психологии факультета психологии,
Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Вилюйская, 28;
старший преподаватель кафедры военной педагогики и психологии,
Новосибирский военный ордена Жукова институт им. генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
630114, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии). Обосновывается положение о том, что многозадачность и полифункциональность служебно-боевой деятельности Росгвардии предъявляют повышенные требования к ролевой пластичности личного состава. Проанализированы специфические ролевые паттерны, обусловленные правовым статусом военнослужащего и сотрудника правоохранительных органов. Выявлены ключевые факторы, способствующие развитию ролевой гибкости, а также детерминанты, провоцирующие ролевую ригидность. Особое внимание уделено психологическому содержанию ролевых конфликтов и их влиянию на эффективность служебной деятельности и психическое благополучие военнослужащих. Определены возможные направления психологического сопровождения, нацеленные на формирование ролевой гибкости как ключевой компетенции.

Для цитирования в научных исследованиях

Третьяков В.В., Федоришин М.И. Особенности ролевой гибкости и ролевой ригидности военнослужащих Росгвардии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 12А. С. 106-114. DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007

Ключевые слова

Ролевая гибкость, ролевая ригидность, военнослужащие Росгвардии, социальная роль, ролевой конфликт, психологическая подготовка, оперативно-служебная деятельность, методология исследования, государственная политика.

Введение

Современная оперативная обстановка характеризуется высокой динамичностью и неопределенностью, что требует от личного состава силовых структур способности к быстрой адаптации и эффективному переключению между различными видами деятельности. Военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардии) представляют собой уникальную категорию, в чьи обязанности входит широкий спектр задач: от охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности до участия в контртеррористических операциях и обороне территории страны [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016]. Данная полифункциональность порождает сложную систему социальных и служебных ролей, которые военнослужащий должен интегрировать в единую профессиональную идентичность [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

В этом контексте категории ролевой гибкости (способности индивида адекватно и быстро переключаться между социальными ролями, адаптировать ролевое поведение к изменяющимся условиям) и ролевой ригидности (неспособности изменить ролевое поведение, нежелания или невозможности выйти за рамки привычной ролевой модели) [Андреева Г.М., 2020; Пряжников, 2019] становятся критически важными для прогнозирования успешности профессиональной деятельности и психологической устойчивости.

Целью настоящего исследования является теоретический анализ особенностей проявления ролевой гибкости и ригидности у военнослужащих Росгвардии, а также выявление факторов, влияющих на их формирование.

Методология. Исследование основано на системном подходе с применением методов теоретического анализа научной литературы по психологии, социологии и военной психологии, нормативно-правовых документов, регламентирующих деятельность Росгвардии, а также метода моделирования ролевых ситуаций.

Основная часть**Специфика ролевого репертуара военнослужащего Росгвардии.**

Ролевая структура военнослужащего Росгвардии отличается высокой сложностью и включает в себя несколько взаимопересекающихся уровней [Барабанщикова, Рыбников, 2018]:

1. Военная роль: предполагает жесткую иерархию, беспрекословное подчинение, действия по уставу и приказу, высокую степень стандартизации поведения [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016].

2. Правоохранительная роль: требует правовой грамотности, навыков общения с гражданским населением, умения действовать в рамках закона, применять меры принуждения соразмерно обстановке, часто в ситуациях неопределенности [О войсках национальной гвардии Российской Федерации, 2016].

3. Роль переговорщика/коммуникатора: необходима при работе с участниками массовых мероприятий, задержанными, гражданами, нуждающимися в помощи.

4. Роль специалиста-технического исполнителя: владение специфическими видами вооружения, техники, специальными средствами.

Уникальность заключается в необходимости симультанного (одновременного) или быстрого последовательного исполнения этих ролей. Например, военнослужащий, обеспечивающий общественный порядок, должен быть готов в одной ситуации оказать первую помощь гражданину (коммуникативная, помогающая роль), а в другой – пресечь правонарушение с применением силы (силовая, правоохранительная роль).

2. Ролевая гибкость: детерминанты и проявления.

2.1. Детерминанты (факторы-предпосылки) ролевой гибкости.

Ролевая гибкость у военнослужащих Росгвардии не является врожденным качеством, а представляет собой комплексную профессиональную компетенцию, формируемую под влиянием ряда взаимосвязанных факторов.

Набор различных ролей индивида приводит к возможности возникновения напряженности между отдельными ролями и их ожиданиями, и следовательно к вопросу о том, какая роль в наборе ролей имеет приоритет над другими. P.L. Callero [Callero, 1985] называет это «ролевой идентичностью», или в терминах Ю.М. Перевозкиной и М.И. Федоришина [Перевозкин, Перевозкина, 2019] «доминантная роль», что сопрягается с идеей о том, что некоторые роли более важны для человека («идентичности»), чем другие [Федоришин, Перевозкина, 2022].

Индивидуально-психологические детерминанты:

– Высокий уровень нервно-психической устойчивости (НПУ). Это базовое качество, позволяющее сохранять работоспособность, ясность мышления и адекватность восприятия в условиях острого или хронического стресса, что является обязательным условием для быстрого и точного ролевого переключения в нестандартных ситуациях [Фетискин, 2020]. НПУ обеспечивает психофизиологическую основу для гибкого поведения.

– Когнитивная сложность и пластичность. Данное свойство интеллектуальной сферы предполагает способность к быстрому анализу многокомпонентной обстановки, выделению ключевых признаков ситуации, идентификации актуальной роли и прогнозированию развития событий. Когнитивно сложные личности обладают более дифференцированной системой категорий для оценки реальности, что позволяет им точнее подбирать ролевую модель [Пряжников, 2019].

– Коммуникативная компетентность. Широкий репертуар вербальных и невербальных паттернов поведения является инструментальной основой ролевой гибкости. Это включает владение техниками активного слушания, эмпатией, навыками аргументации и убеждения, а также способность регулировать собственную речь и поведение в зависимости от аудитории (начальник, подчиненный, гражданское лицо, правонарушитель) [Андреева, 2020].

– Самоконтроль и эмоциональная регуляция. Способность управлять своими эмоциональными реакциями, импульсами и поведением даже в провоцирующих ситуациях критически важна для предотвращения «срыва» в привычную, но неадекватную ригидную роль (например, агрессию) [Фетискин, 2020].

Профессиональные и социальные детерминанты:

– Опыт и тренированность. Прохождение службы в различных условиях (гарнизонная служба, патрулирование, участие в специальных операциях), а также регулярное участие в комплексных учениях и тренингах, моделирующих смену ролевых контекстов, формируют устойчивые навыки и когнитивные схемы для быстрого переключения. Опыт позволяет не только накопить «банк» ситуаций, но и выработать уверенность в своих силах [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Качество профессиональной подготовки. Наличие в программе обучения специализированных модулей, направленных на развитие ситуативного мышления, правовой грамотности в применении мер принуждения и коммуникативных навыков, закладывает фундамент для будущей ролевой гибкости. Особое значение имеют занятия по разрешению сложных и неоднозначных ситуаций (скрипт-тренинг) [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Социально-психологический климат в подразделении. Поддержка со стороны командиров и коллег, атмосфера доверия и взаимопомощи снижают уровень тревожности и страх ошибки. Военнослужащий, уверенный в «тыле», более склонен к проявлению инициативы и принятию нестандартных, но адекватных решений, что является проявлением ролевой гибкости [Андреева, 2020].

2.2. Проявления (поведенческие маркеры) ролевой гибкости

Проявления ролевой гибкости наблюдаются в поведении и эффективности деятельности военнослужащего.

Адекватное и быстрое ролевое переключение:

– Способность к симультанному совмещению ролей. Например, при обеспечении общественного порядка во время массового мероприятия военнослужащий способен одновременно выполнять роль наблюдателя (мониторинг обстановки), коммуникатора (вежливое взаимодействие с гражданами, ответы на вопросы) и охранника (готовность к немедленному пресечению правонарушений), гибко shifting акценты между этими ролями в зависимости от развития ситуации.

– Четкое ситуативное разделение ролей. Военнослужащий демонстрирует способность «надевать» и «снимать» ролевые модели без их переноса в непредназначенные для этого контексты. Классическим примером является отсутствие переноса авторитарной командирской модели (адекватной в строю или при исполнении приказа) в общение с гражданскими лицами, где требуется роль государственного служащего-помощника, или в неформальное общение с коллегами [О статусе военнослужащих, 1998, ст. 26].

Эффективная коммуникация и разрешение конфликтов:

– Использование дифференцированных стратегий влияния. Гибкий в ролевом плане специалист способен выбирать оптимальный стиль коммуникации: от директивного (четкая команда при нейтрализации угрозы) до конструктивно-переговорного (убеждение при работе с несогласными гражданами) или эмпатийно-поддерживающего (помощь пострадавшим) [Барабанщикова, 2018].

– Деэскалация напряжения. Способность предотвращать эскалацию конфликта за счет своевременного переключения с силовой роли на роль переговорщика, демонстрации уважения к оппоненту и поиска легитимного компромисса, не упуская при этом оперативного контроля над ситуацией [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

Поведенческая адаптивность и эффективность:

– Принятие адекватных решений в условиях неопределенности. Ролевая гибкость позволяет быстро оценить, какая из возможных ролей (воина, правоохранителя, спасателя) является приоритетной в данной конкретной, часто не прописанной в уставах ситуации, и действовать в соответствии с этой оценкой, минимизируя ошибки [Федоришин, Перевозкина, 2022].

– Сохранение профессиональной идентичности при ролевом многообразии. Несмотря на необходимость постоянной смены моделей поведения, военнослужащий с развитой ролевой гибкостью сохраняет целостное «Я» и иные профессиональные ценности (законность, долг, ответственность). Роли воспринимаются им как инструменты для достижения общей цели, а не

как угроза его идентичности [Андреева, 2020].

Таким образом, ролевая гибкость проявляется как системная способность к оперативной поведенческой и коммуникативной адаптации в рамках правового поля и профессиональной этики для достижения максимальной эффективности в полифункциональной служебной деятельности. Ее формирование требует целенаправленной работы как над индивидуально-психологическими качествами военнослужащего, так и над совершенствованием системы подготовки и условий службы.

3. Ролевая ригидность: причины и последствия

Формирование ролевой ригидности у военнослужащих Росгвардии является следствием комплексного взаимодействия индивидуально-психологических, профессиональных и организационных факторов.

3.1. Личностно-психологические детерминанты:

– Преобладание ригидных когнитивных схем. Для некоторых индивидов характерна низкая пластичность психических процессов, выражающаяся в трудности перестройки поведения, шаблонном мышлении и неспособности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям. В контексте службы это приводит к стереотипному применению единственной, наиболее усвоенной ролевой модели (например, исключительно силовой) вне зависимости от нюансов обстановки.

– Высокий уровень личностной и ситуативной тревожности. Страх совершить ошибку, неуверенность в нестандартной ситуации провоцируют психологический отход к наиболее привычной и, с точки зрения военнослужащего, «безопасной» роли. Как правило, этой ролью оказывается модель жесткого подчинения и исполнения приказа, так как она имеет четкие алгоритмы и минимизирует личную ответственность за нестандартное решение [Фролова, Федоришин, 2017].

– Интолерантность к неопределенности. Деятельность в правоохранительной сфере часто сопряжена с быстро меняющейся, амбивалентной обстановкой. Неспособность выдерживать состояние неопределенности заставляет военнослужащего упрощать реальность, игнорируя ее сложность и действуя по заранее заданному, часто упрощенному сценарию [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

2. Профессиональные и организационные детерминанты:

– Профессиональная деформация. Это системное явление, возникающее в результате постоянного воздействия специфических профессиональных стрессоров. У военнослужащих Росгвардии она может выражаться в синдроме «силового доминирования»: переносе моделей поведения, адекватных для силового задержания или конфронтации, на все ситуации взаимодействия, включая общение с коллегами и гражданскими лицами [Перевозкин, Перевозкина, 2019]. Происходит сужение ролевого репертуара до одной-двух доминирующих, наиболее часто практикуемых ролей.

– Чрезмерная регламентация и авторитарный стиль руководства. Хотя уставы и регламенты необходимы, их абсолютное доминирование без развития навыков самостоятельного принятия решений в сложных условиях может подавлять инициативу и способность к гибкому ролевому реагированию. Военнослужащий привыкает действовать только по команде, теряя способность к самостоятельной оценке обстановки и выбору адекватной роли [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Дефицит позитивного профессионального опыта и недостаточная подготовка. Если в процессе обучения и службы военнослужащий не сталкивался с необходимостью быстрого

ролевого переключения в смоделированных условиях (на учениях, тренингах), у него не формируются соответствующие навыки и когнитивные схемы. Столкнувшись с подобной ситуацией в реальности, он испытывает когнитивный диссонанс и стресс, что блокирует гибкое поведение [Барабанщикова, Рыбников, 2018].

– Хронический профессиональный стресс и синдром эмоционального выгорания. Психическая усталость, эмоциональное истощение и деперсонализация, характерные для выгорания, резко снижают психические ресурсы, необходимые для сложной работы по идентификации и переключению ролей. Ведущим становится стремление к экономии сил, что проявляется в упрощенных, ригидных поведенческих реакциях [Федоришин, Андронов, 2021].

3.2. Последствия ролевой ригидности

Последствия ролевой ригидности носят выраженный дезадаптивный характер, негативно влияя как на эффективность деятельности, так и на личность военнослужащего.

Снижение эффективности служебной деятельности:

– Неадекватность ситуациям. Ригидное применение одной ролевой модели приводит к грубым ошибкам. Например, использование исключительно переговорной тактики в ситуации, требующей немедленного силового вмешательства, или, наоборот, применение избыточной силы там, где достаточно предупреждения или диалога [Перевозкин, Перевозкина, 2019]. Это напрямую подрывает выполнение служебно-боевых задач и может привести к тяжким последствиям.

– Дисфункциональное взаимодействие в коллективе. Перенос «командирской» роли на равных по званию коллег или, наоборот, использование пассивно-исполнительской модели там, где требуется проявление инициативы, разрушает здоровый социально-психологический климат в подразделении, порождает конфликты [Андреева, 2020].

Развитие внутриличностных и межролевых конфликтов:

– Межролевой конфликт возникает при осознании противоречивых требований разных ролей (например, воинской дисциплины и необходимости проявления эмпатии к пострадавшему гражданскому лицу). Ригидная личность не может интегрировать эти противоречия, что вызывает острый психологический дискомфорт [Андреева, 2020].

– Внутриличностный ролевой конфликт происходит при несоответствии требований роли личным ценностям, установкам или возможностям индивида. Например, если военнослужащий по личным убеждениям не склонен к агрессии, но его роль в конкретной ситуации требует силового действия, ригидность не позволяет ему найти легитимный компромисс, что ведет к фрустрации и чувству вины [Андреева, 2020].

Деструктивное влияние на личность военнослужащего:

– Хронический психоэмоциональный стресс. Постоянное напряжение от невозможности эффективно разрешать ролевые конфликты и адаптироваться к обстановке является мощным стресс-фактором, ведущим к невротизации, тревожным расстройствам и соматизации [Федоришин и др., 2019].

– Ускоренное развитие профессиональной деформации. Ролевая ригидность является одновременно и причиной, и последствием профессиональной деформации, создавая порочный круг: стресс и деформация усиливают ригидность, которая, в свою очередь, усугубляет деформацию [Фролова, Федоришин, 2017].

– Синдром эмоционального выгорания. Постоянные внутренние конфликты и неэффективность деятельности быстро истощают эмоциональные и энергетические ресурсы личности, приводя к эмоциональному опустошению, цинизму и редукции профессиональных

достижений [Федоришин, Перевозкина, 2022].

– Девиантное и делинквентное поведение. В крайних формах, неспособность найти легитимный способ разрешения ситуации может толкнуть военнослужащего на нарушение уставных правил, злоупотребление властью или иные противоправные действия в попытке разрешить внутренний конфликт силовым, привычным для него путем [Фролова, Федоришин, 2017].

Таким образом, ролевая ригидность выступает ключевым фактором профессиональных и личностных деструкций, требующим целенаправленной профилактики и коррекции в системе психологического обеспечения войск Росгвардии.

Последствия ролевой ригидности крайне негативны [Федоришин, Андронов, 2021]:

– Ролевые конфликты: межролевые (конфликт между требованиями военной и правоохранительной роли) и личностно-ролевые (несоответствие ролевых требований личным убеждениям индивида).

– Снижение эффективности деятельности: неадекватное ситуации поведение (например, излишняя агрессия там, где нужны переговоры, или пассивность там, где требуется решительность).

– Психологическое выгорание, хронический стресс, невротические нарушения как результат постоянного внутреннего напряжения от невозможности разрешить ролевой конфликт [Федоришин, Перевозкина, 2022].

Вывод

Деятельность военнослужащих Росгвардии объективно требует сформированной ролевой гибкости, которая выступает ключевым фактором их профессиональной надежности и психологического благополучия. Ролевая ригидность, в свою очередь, является значительным риском, приводящим к ошибкам, конфликтам и дезадаптации.

В связи с этим, система морально-психологического обеспечения и психологической подготовки войск Росгвардии должна включать в себя:

1. Специализированный диагностический инструментарий для оценки уровня ролевой гибкости на этапе отбора и в процессе службы.

2. Тренинговые программы, направленные на развитие навыков ролевого переключения, коммуникации и разрешения ролевых конфликтов. Эффективным методом является ролевое проигрывание сложных и нестандартных ситуаций (скрипт-тренинг).

3. Внедрение в курс военно-политической подготовки модулей, разъясняющих правовые и психологические основы различных ролевых моделей поведения.

4. Индивидуальную психокоррекционную работу с военнослужащими, демонстрирующими признаки ригидности и профессиональной деформации.

Формирование ролевой гибкости позволит не только повысить эффективность выполнения оперативно-служебных задач, но и сохранить психическое здоровье личного состава, являющееся основой боеготовности подразделений Росгвардии.

Библиография

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Москва: Аспект Пресс, 2020. 363 с.
2. Барабанщикова В.В., Рыбников В.Ю. Психология профессиональной деятельности военнослужащих. Москва: Изд-во Военного университета, 2018. 420 с.

3. Зеер Э.Ф. Психология профессиональных деструкций. Москва: Академический проект, 2018. 240 с.
4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
5. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
6. Первозкин С.Б., Первозкина Ю.М. Взаимодетерминация учебной мотивации подростков кадетского корпуса и ролевой идентичности // Перспективы науки и образования. 2019. № 4 (40). С. 225-235.
7. Пряжников Н.С. Психология труда и человеческого достоинства. Москва: Академия, 2019. 480 с.
8. Федоришин М.И., Андронов А.В. Индивидуальные особенности саморегуляции курсантов военного вуза // Ярославский психологический вестник. 2021. № 5 (53). С. 354–363.
9. Федоришин М.И., Первозкина Ю.М. Специфика выраженности способностей и когнитивных процессов в зависимости от доминирующей ролевой модели курсантов при решении служебно-боевых задач // Актуальные проблемы профессионально-практической психологии (Дьяченковские чтения – 2022): сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 2022. С. 513–520.
10. Федоришин М.И., Спиринов А.В., Чайковский П.В. Особенности индивидуальности личности курсантов с высоким уровнем саморегуляции человеческий фактор // Социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 423-435.
11. Фетискин Н.П. Психодиагностика стресса и функциональных состояний. Кострома: КГУ, 2020. 215 с.
12. Фролова Л.В., Федоришин М.И. Проблемы социальной адаптации выпускников военных вузов // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации: сб. науч. ст. VIII Межвузовской науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2017. С. 271-276.
13. Callero P.L. Role-identity salience // Social Psychology Quarterly. 1985. № 3(48). P. 203–215.

Peculiarities of Role Flexibility and Role Rigidity Among Personnel of the Russian National Guard (Rosgvardiya)

Vitalii V. Tret'yakov

Adjunct,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: tvv2025@mail.ru

Mikhail I. Fedorishin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Practical and Special Psychology, Faculty of Psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
Senior Lecturer, Department of Military Pedagogy and Psychology,
Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev
of the National Guard Troops of the Russian Federation,
630114, 6/2, Klyuch-Kamyshenskoye Plato str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: maskarad14@mail.ru

Abstract

The article addresses the current problem of role flexibility and role rigidity among personnel of the National Guard Troops of the Russian Federation (Rosgvardiya). The position is substantiated that the multitasking and multifunctionality of Rosgvardiya's service-combat activities impose increased demands on the role plasticity of personnel. Specific role patterns determined by the legal

status of a serviceman and law enforcement officer are analyzed. Key factors contributing to the development of role flexibility, as well as determinants provoking role rigidity, are identified. Particular attention is paid to the psychological content of role conflicts and their influence on the effectiveness of service activities and the mental well-being of servicemen. Possible directions for psychological support aimed at forming role flexibility as a key competence are determined.

For citation

Tret'yakov V.V., Fedorishin M.I. (2025) Osobennosti rolevoy gibkosti i rolevoy rigidnosti voennosluzhashchikh Rosgvardii [Peculiarities of Role Flexibility and Role Rigidity Among Personnel of the Russian National Guard (Rosgvardiya)]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (12A), pp. 106-114. DOI:10.34670/AR.2026.47.32.007

Keywords

Role flexibility, role rigidity, Rosgvardiya personnel, social role, role conflict, psychological training, operational and service activities, research methodology, state policy.

References

1. Andreeva, G. M. (2020). *Sotsialnaia psikhologiya* [Social psychology]. Aspekt Press.
2. Barabanshchikova, V. V., & Rybnikov, V. Iu. (2018). *Psikhologiya professionalnoi deiatelnosti voennosluzhashchikh* [Psychology of professional activity of military personnel]. Izdatelstvo Voennogo universiteta.
3. Callero, P. L. (1985). Role-identity salience. *Social Psychology Quarterly*, 3(48), 203–215.
4. Fedorishin, M. I., & Andronov, A. V. (2021). Individualnye osobennosti samoregulatsii kursantov voennogo vuza [Individual features of self-regulation of military university cadets]. *Iaroslavskii psikhologicheskii vestnik*, 5(53), 354–363.
5. Fedorishin, M. I., & Perevozkina, Iu. M. (2022). Spetsifika vyrazhennosti sposobnostei i kognitivnykh protsessov v zavisimosti ot dominantnoi rolevoi modeli kursantov pri reshenii sluzhebno-boevykh zadach [The specificity of the expression of abilities and cognitive processes depending on the dominant role model of cadets in solving service and combat tasks]. In **Aktualnye problemy professionalno-prakticheskoi psikhologii (Diachenkovskie chteniia – 2022)** [Actual problems of professional and practical psychology (Dyachenkov readings - 2022)] (pp. 513–520).
6. Fedorishin, M. I., Spirin, A. V., & Chaikovskii, P. V. (2019). Osobennosti individualnosti lichnosti kursantov s vysokim urovnem samoregulatsii chelovecheskii faktor [Peculiarities of the personality of cadets with a high level of self-regulation of the human factor]. *Sotsialnyi psikholog*, 1(37), 423–435.
7. Fetiskin, N. P. (2020). *Psikhodiagnostika stressa i funktsionalnykh sostoianii* [Psychodiagnosics of stress and functional states]. KGU.
8. Frolova, L. V., & Fedorishin, M. I. (2017). Problemy sotsialnoi adaptatsii vypuschnikov voennykh vuzov [Problems of social adaptation of graduates of military universities]. In *Napravleniia i perspektivy razvitiia obrazovaniia v voennykh institutakh voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii* [Directions and prospects for the development of education in the military institutes of the troops of the National Guard of the Russian Federation] (pp. 271–276).
9. O statuse voennosluzhashchikh: Federalnyi zakon ot 27.05.1998 № 76-FZ (red. ot 01.07.2021) [On the status of military personnel: Federal Law No. 76-FZ of 05/27/1998 (as amended on 07/01/2021)].
10. O voiskakh natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii: Federalnyi zakon ot 03.07.2016 № 226-FZ (red. ot 01.07.2021) [On the Troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law No. 226-FZ of 07/03/2016 (as amended on 07/01/2021)].
11. Perevozkina, S. B., & Perevozkina, Iu. M. (2019). Vzaimodeterminatsiia uchebnoi motivatsii podrostkov kadetskogo korpusa i rolevoi identichnosti [Mutual determination of educational motivation of teenagers of the cadet corps and role identity]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, 4(40), 225–235.
12. Pryazhnikov, N. S. (2019). *Psikhologiya truda i chelovecheskogo dostoinstva* [Psychology of labor and human dignity]. Akademiia.
13. Zeer E.F. (2018) *Psikhologiya professionalnykh destrukttsii* [Psychology of professional destructions]. Akademicheskii proekt, 240 p.